
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «ЗАПИСОК ЮНОГО ВРАЧА» М.А. БУЛГАКОВА

Тан Мэн Вэй

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корпус гуманитарных факультетов, Москва, Россия, 119991

В статье анализируется художественное своеобразие одного из самых ранних произведений М.А. Булгакова — «Записок юного врача», в основу которых легли автобиографические факты работы Булгакова в качестве земского врача в селе Никольском. Семь рассказов цикла объединяет не только личность рассказчика, но и время, и место действия, а также единая, связующая все рассказы сюжетная линия — судьба юного врача в столкновении с суровой исторической реальностью. Цикл рассказов представляет собой фрагменты из врачебной практики начинающего доктора, при этом создается полная, целостная картина жизни, отразившая судьбу героя-интеллигента в деревенской глубинке в годы революции. Многосоставность, мозаичность, композиционная дробность присущи уже самым первым опытам прозы Булгакова.

Ключевые слова: художественный мир М.А. Булгакова, «Записки юного врача», герой-интеллигент, мозаичность, калейдоскопичность, внутренняя целостность картины жизни

«Записки юного врача» Булгакова являются оригинальным произведением в сюжетном и жанровом отношении. Ему присущи элементы и очерка, и мемуаров, и научно-популярной литературы, а также беллетристики. Именно форма дневника дает такую широту выбора для автора — он может излагать свои мысли любым способом. Как отмечает М.О. Чудакова, в начале своей литературной карьеры Булгаков отдает предпочтение рассказу «от лица повествователя, близкого к автору, о собственных злоключениях, с подчеркнутой свободой от беллетристического “вымысла”, с опорой, напротив, на автобиографичность в жанре дневника или записок». Это всегда — хронологически последовательно организованное повествование от первого лица, с чередой временных вех — лет, сезонов, месяцев, дней [4. С. 399—400].

Главное действующее лицо, как и автор самых «Записок», — молодой врач, который недавно окончил обучение в университете и только приступил к практической врачебной деятельности. Интересно и то, что по ходу повествования мы так и не узнаем имя рассказчика, для нас он так и остается безымянным юным врачом, это общий портрет, характеризующий представителей этой профессии, как и описанные в дневнике ситуации, с которыми ежедневно приходилось сталкиваться сельским врачам. Стоит отметить и то, что в «Записках» описываются действительные случаи из врачебной практики самого Булгакова: все операции автор когда-то делал сам.

В «Записках юного врача» мы замечаем профессиональный и глубоко личный взгляд автора на героев и происходящие события. Семь рассказов цикла объединяет не только личность рассказчика, но и время, и место действия, и единая, связующая все рассказы сюжетная линия — судьба юного врача в сельской глу-

бинке в пореволюционные годы. Всем рассказам свойственны локальный сюжет и кратковременность самого события (чаще всего описываемые действия происходят в течение одного дня). Хотя автор описывает лишь отдельные моменты из врачебной практики, по ним мы можем составить полную картину и прочувствовать весь процесс до конца. Многосоставность, мозаичность, композиционная дробность присущи уже самым первым опытам прозы Булгакова. Писатель не скупится на детали в своем повествовании, поэтому нам так легко почувствовать себя очевидцами происходящего действия.

Несмотря на привязанность действия к осени «1917-го незабываемого года» («Полотенце с петухом»), основной темой произведения, на которой заостряет внимание автор, становится не картина грянувшей революции, а ежедневная борьба за человеческие жизни, которую нам как раз и описывает молодой врач. Во всем цикле рассказов лишь в одном эпизоде появляется солдат, вернувшийся «с развалившегося фронта после революции», а крестьяне, обращаясь к врачу, зовут его то по-старому: «господин доктор», то по-новому: «товарищ доктор». Булгаков не упоминает ни о каких революционных настроениях в деревне, он описывает нам лишь атмосферу российской глубинки, «вековую тишину», которую не могут потревожить никакие исторические коллизии.

По сравнению с большинством произведений Булгакова первой половины 1920-х гг., где тема революции и гражданской войны занимает центральное место в сюжетной линии, «Записки юного врача» стали особым явлением в раннем творчестве писателя. По мнению Е.А. Яблокова, такое умолчание об исторических событиях носит демонстративный характер. Именно время действия рассказов (1917—1918 гг.) вызывает ассоциации с «Капитанской дочкой» А.С. Пушкина, что заставляет автоматически усматривать в «бытовых» ситуациях некий метафорический смысл. И с самого начала, с прибытия молодого врача на будущее место работы мы находим в «Записках юного врача» отражение «метельной» пушкинской метафоры социального катаклизма [5. С. 6]. В рассказе «Стальное горло» метель, «как бес, летала и шаркала», словно вторя социальному кризису. В рассказе «Вьюга» само название, пушкинский эпиграф и пронизывающий весь рассказ образ вьюги не оставляют места для сомнения в значимости мотива «метельности», «вьюжности» в произведениях Булгакова («Несет меня вьюга, как листок» — неслучайная фраза, окрашивающая весь цикл «Записок»). Мотив зимней непогоды замечен и в «Тьме египетской», он описан также и в «Пропавшем глазе». В связи с этим можно утверждать устойчивость этого метафорического мотива в произведениях Булгакова. «Метельность», восходящая к Пушкину, предстает не только в цикле «Записок...», эпиграфом из «Капитанской дочки» открывается роман «Белая гвардия»: «Пошел мелкий снег, и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось с снежным морем. Все исчезло. — Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!» [1. С. 179].

Герой Булгакова отправляется на земскую службу ранней осенью. Обычно это самая красивая и живописная пора года. Жара уходит, а холод еще не наступил, кругом все желтеет. Но в рассказе «Полотенце с петухом», открывающем «Записки», герой всего за сутки езды оказывается как бы в ином сезоне, в ином про-

странстве: «Да разве я мог бы поверить, что в середине серенького кислого сентября человек может мерзнуть в поле, как в лютую зиму?! Ан, оказывается, может. И пока умираешь медленною смертью, видишь одно и то же, одно. Справа горбатое обглоданное поле, слева чахлый перелесок, а возле него серые драные избы, штук пять или шесть. И кажется, что в них нет ни одной живой души. Молчание, молчание кругом...» [1. С. 71—146] (1). Создается такое впечатление, что герой попал в «царство зимы». Впереди его ждет не светлое будущее, а сплошные мучения и испытания.

Село, в которое отправляется работать юный врач, называется Мурье. Название этой местности сразу вызывает у читателя ассоциацию с семантикой подземелья, с могилой. Приезд героя в Мурье напоминает прибытие в загробный мир: «...я стоял на битой умирающей и смякшей от сентябрьского дождика траве во дворе Мурьинской больницы» («Полотенце с петухом»). Фактически перед читателем «катабазис» — путешествие героя в потустороннее, темное царство. Сам Булгаков, размышляя о своем положении на земской службе, пишет в письме родным 31 декабря 1917 г.: «Тяну лямку в Вязьме, вновь работаю в ненавистной атмосфере среди ненавистных мне людей. Мое окружающее настолько мне противно, что я живу в полном одиночестве» [2. С. 271]. Друг юности Булгакова А.П. Гдешинский отмечал, что в письмах из Никольского «Миша очень сетовал на кулацкую, черствую натуру туземных жителей, которые, пользуясь неоценимой помощью его как врача, отказали в продаже полуфунта масла, когда заболела жена» [3. С. 325]. Эти настроения Булгакова находят подтверждение в записи его допроса в ОГПУ 22 сентября 1926 г.: «На крестьянские темы я писать не могу, потому что деревню не люблю. Она мне представляется гораздо более кулацкой, нежели это принято думать» [3. С. 325]. Но, несмотря на все тяжести и трудную работу, молодой врач понимает свою службу как высокую миссию исцеления темных, необразованных крестьян не только от физических, но и душевных недугов.

Хотя для рассказов «Записок» характерно отсутствие явно выраженной социальной проблематики, почти каждое название рассказа в какой-то степени имеет метафорический смысл. В «Полотенце с петухом» мы видим образы «белого» и «красного» петухов, коллизия которых, конечно, в условиях 1920-х гг. не могла существовать вне политических коннотаций. Как только молодой врач приехал в Мурьинскую больницу, кухарка в знак приветствия решила встретить своего будущего начальника «ободранным, голокожим петухом с окровавленной шеей», и петуха он должен съесть. Именно с этого момента объявлена война врача в этом черном царстве, а шире — война на всей территории бывшей царской России. В конце рассказа, когда врач удачно совершил первую в своей жизни ампутацию, девочка-пациентка подарила ему «снежно-белое полотенце с безыскусственным красным вышитым петухом». Событие это происходит как раз через два с половиной месяца после операции, в начале декабря 1917 г. («в окне сиял один из первых зимних дней»), т.е. уже после октябрьского переворота. Первый раунд борьбы уже закончен, победителем из него вышел красный петух на фоне белого цвета. Взаимодействие, столкновение красного и белого цветов повторяется на протяжении всего повествования «Записок»: в «Пропащем глазе» в сцене вы-

рывания зубу у солдата мы наблюдаем контраст между «ярко-белой неровной костью», белой марли и «алой солдатской крови». В рассказе «Крещение поворотом» белые простыни и красная кровь обретают дополнительный символический смысл: на фоне соединения красного и белого («кровяные пятна на простынях») происходит сцена трудного, но благополучного рождения ребенка.

В рассказе «Стальное горло» герой Булгакова продолжает спасать человеческие жизни в глубинке. В нем мы видим очень талантливого врача, которому удается выйти победителем из самых сложных ситуаций. Его удача в трахеотомии похожа на чудо, но это чудо совсем не случайное. Об этом свидетельствуют другие примеры из врачебной практики героя. Несмотря на свой духовный кризис (действие рассказа происходит после Октябрьской революции, в нем особо подчеркнуты одиночество и тоска героя), главное чувство, которое испытывает молодой врач, — желание помочь страдающему человеку. Именно этот случай заставляет героя уверовать в свои силы, позволяя ему избавиться от внутреннего страха и тревоги. Голос его стал твердым, решительным, «стальным», как у настоящего опытного врача. Удачная операция принесла герою славу, по окрестностям начали распространять легенду о «стальном горле». Это помогает молодому доктору на время забыть свою тоску, подтверждая значение своей высокой миссии в сельской глуши: «дом мой был одинок, спокоен и важен».

Преддверие Октябрьской революции герой Булгакова встречает операцией «поворот на ножку», которая описывается в рассказе «Крещение поворотом». Уже в начале рассказа герой чувствует необычную, тревожную атмосферу вокруг него: «Кто-то настойчиво и громко барабанил в наружную дверь, и удары эти показались мне сразу зловещими». К нему приводят роженицу с поперечным расположением плода, и молодой доктор понимает, что впереди его ждет целое испытание. Он совершенно не знает, как нужно поступать, даже обращение к учебнику акушерства ему не помогает. По мнению Б.В. Соколова, младенец, неправильно лежащий в чреве матери, как бы олицетворяет новый, рожденный революцией мир, который его творцы хотят произвести на свет, руководствуясь книжными марксистскими теориями. [З. С. 384] Но страной не должны управлять только неопытные революционеры. Как предполагает сам Булгаков, надо прежде всего руководствоваться живым опытом народной жизни, как воспринимает юный врач со слуха опыт фельдшера и акушерки.

Хотя предположение Б.В. Соколова несколько прямолинейно, следует также принять во внимание еще два момента: развитие вышеописанного символического сюжета и повторение его в других произведениях. В данном эпизоде символично все, от начала (упомянутый выше зловещий стук в дверь символизирует грубое вторжение истории в жизнь человека) и до конца, когда перед нами открывается оптимистичное видение исторических событий. И то, что сцена трудных родов с ярко выраженным взаимодействием красного и белого цветов благополучно закончилась, вселяет в нас уверенность в таком же завершении революционных событий.

Другой момент, на который нам стоит обратить внимание, — это повторение и развитие сюжета «поворота на ножку». Социальный и исторический смысл этой сцены раскрывается в рассказе «Пропавший глаз», но эта символическая карти-

на имеет здесь уже более сложный смысл. Молодой врач вспоминает о втором в его жизни повороте на ножку, когда он сломал ручку уже мертвому младенцу. Этот эпизод он прокручивал в голове, возвращаясь в санях домой. И здесь символическая связь оптимистичного взгляда на историю и трагедии. Вспоминая о трупике младенца, герой рассказа говорит себе: «Вздор — ручка. Никакого значения не имеет. Ты сломал ее уже мертвому младенцу. Не о ручке надо думать, а о том, что мать жива». И здесь, если исходить из предположения Б.В. Соколова, отчетливо видна параллель с историческими событиями: младенец (новый, рожденный революцией, мир) оказывается мертворожденным, но, к счастью, мать — Россия — жива.

В связи с повторением символических сюжетов необходимо обратить внимание на взаимосвязь между рассказами «Записок». Выше уже говорилось о связи символических сюжетов в «Пропавшем глазе» и «Крещении поворотом», но очевидна также связь рассказа с «Вьюгой». В «Пропавшем глазе» пушкинская «вьюжная» метафора, присутствующая во многих его произведениях, раскрыта предельно выразительно: «Вьюга свистела, как ведьма, выла, плевалась, хохотала, все к черту исчезло...» и т.д. Неслучайно также появление нечистой силы в «Пропавшем глазе» (ведьма и черт), перекликающейся с пушкинскими «Бесами». Ведьма и черт возникают в центре «метельной» метафоры, и в зловещей картине зимней бури во «Вьюге» открывается то же: «Вертело и крутило белым и косо, и криво, вдоль и поперек, словно черт зубным порошком баловался».

В самом же рассказе «Вьюга» разворачивающееся «метельное» действие — воплощение хаоса в широком смысле, это не только обозначение природной стихии, но и тотального катаклизма. Она, эта вьюга, разрушает все старое, традиционные представления о мире, заново строит новые порядки и правила. Не случайно рассказ этот открывается эпитафией — известными пушкинскими строками, в которых слышатся зловещие голоса вьюги, зимней бури: «То, как зверь, она завоет, То заплачет, как дитя». Образ вьюги в этом рассказе обретает расширительный, символический смысл. Он воплощает в себе и тяжкую судьбу людей в этой забытой богом глубинке, и страшное время, когда происходят описываемые события, и нелегкий, порой даже полный гибельного риска труд врачей, борющихся за жизнь людей среди «снежного океана». Отсюда опять ассоциация с событиями тогдашней России, которая ищет свою новую дорогу. Стоит отметить, что «Вьюга» — это единственное произведение в составе «Записок», где в центре фабулы оказывается смерть пациента. Революцию, конечно, невозможно совершить без жертв.

Обратимся теперь к рассказу «Тьма египетская». В заглавии рассказа Булгаков косвенно цитирует фрагмент из Ветхого завета: «И сказал Господь Моисею: прости руку твою к небу, и была густая тьма по всей земле Египетской три дня; не видели друг друга, и никто не вставал с места своего три дня, у всех же сынов Израилевых был свет в жилищах их» (Исход, 10, 21—23). Метафора «тьма египетская» реализуется в начале рассказа — слово «тьма» употреблено в прямом, физическом смысле: «Где электрические фонари Москвы? Люди? Небо? За окошками нет ничего! Тьма...» Далее с развитием сюжета мы чувствуем «тьму» не только визуально, она еще и царит в душе, психике деревенских жителей. Как и мотив с

«красным» и «белым», сквозная метафора «тьмы» и «света» пронизывает все пространство «Записок», что также является еще одним связующим все рассказы мотивом. Так, «могильная тьма» в «Полотенце с петухом» перекликается со сверкнувшим из тьмы «мельким, но таким радостным, вечно родным фонарем у ворот» в рассказе «Пропавший глаз». Противостояние тьмы и света знаний откровенно подчеркнуто в «Крещении поворотом», в заключительной сцене, где юный врач склоняется над посвященными «опасностям поворота» страницами медицинского справочника: «...все прежние темные места сделались совершенно понятными, словно налились светом, и здесь, при свете лампы, ночью, в глуши, я понял, что значит настоящее знание». И мотив «света» и «тьмы» в цикле идет часто бок о бок с «метельной» метафорой, соединяя все рассказы общим драматическим смыслом.

Цепочка анекдотических ситуаций, о которых в «Тьме египетской» рассказывают молодому врачу фельдшер и акушерки, говорит об ужасном невежестве, в котором живет народ, вынужденный доверяться безграмотным «бабкам» и знахарям, что является причиной очень высокой смертности в деревнях. Булгаков ставит в центр своего повествования проблему врачебного долга. «Тьма египетская», царящая в русской деревне, порой приводит молодого врача в отчаяние, однако он, как подлинный русский интеллигент, борется с ней всеми силами и способами: «Ну, нет, — раздумывал я, — я буду бороться с египетской тьмой ровно столько, сколько судьба продержит меня здесь в глуши». В завершении этой сцены раскрывается другая важная черта образности «Записок», в которых наряду со сквозными метафорическими мотивами («красное/белое», «тьма/свет», «метельность»), связующими рассказы, возникают и символические образы, не повторяющиеся от рассказа к рассказу, но «поднимающиеся» над всем пространством «Записок», одухотворяя его важным для автора и его героя объединяющим смыслом. Такова символическая картина сна героя в «Тьме египетской»: «И сладкий сон после трудной ночи охватил меня. Потянулась пеленою тьма египетская... и в ней будто бы я... не то с мечом, не то со стетоскопом. Иду.. борюсь... В глуши. Но не один. А идет моя рать: Демьян Лукич, Анна Николаевна, Пелагея Иванна. Все в белых халатах, и все вперед, вперед...» И нотка самоиронии, которая венчает сцену («Сон — хорошая штука!»), не лишает ее героического пафоса, который единой высокой, «рыцарственной» нотой обнимает, выходя за пределы рассказа, все содержание «Записок». И на протяжении всего рассказа сон соединяется с реальными событиями из жизни молодого врача: вот он — несколько раньше — расхаживает вечером по кабинету и говорит сам с собою: «Ну, нет, — раздумывал я, — я буду бороться с египетской тьмой ровно столько, сколько судьба продержит меня здесь в глуши». Обратим внимание: эти его раздумья прямо совпадают, соединяются с концовкой рассказа, с тем внутренним монологом, от которого начинается сцена символического сна: «Ну, нет... я буду бороться. Я буду.. Я...» И, возвращаясь опять к вечерним раздумьям юного врача, мы видим, как он сидит за письменным столом, ожидая пациента, и облик его явно перекликается с образом рыцаря из символического сна: «Правая моя рука лежала на стетоскопе, как на револьвере». Стоит заметить, что эта взаимосвязь сна из «Тьмы египетской» с описываемой реальностью выходит за пределы рассказа, возникшая на всем про-

странстве «Записок». Вот фрагмент из «Вьюги», прямо совпадающий с картиной символического сна в «Тьме египетской» и так же «поднимающийся» над всеми рассказами «Записок», сообщая им единый высокий смысл: «На обходе я шел стремительной поступью, за мною мело фельдшера, фельдшерицу и двух сиделок. Остановившаяся у постели, на которой, тая в жару и жалобно дыша, болел человек, я выжимал из своего мозга все, что в нем было. Пальцы мои шарили по сухой, пылающей коже, я смотрел в зрачки, постукивал по ребрам, слушал, как таинственно бьет в глубине сердце, и нес в себе одну мысль — как его спасти? И этого — спасти. И этого! Всех! Шел бой. Каждый день он начинался утром при бледном свете снега, а кончался при желтом мигании пылкой лампы-“молнии”».

Весьма интересно, что основу сюжетной ситуации в «Тьме египетской» составляет эпизод празднования дня рождения молодого доктора, который провел этот день вместе со своими товарищами в темноте. Как городской житель, привыкший к современным условиям жизни, через этот опыт он получает «второе рождение»: может познать народную темноту и решиться с нею бороться. Особенно достоверно это показано в рассказе «Звездная сыпь». Этот рассказ был включен в цикл только в 1968 г. Само название рассказа имеет и прямое, и переносное значение. Во-первых, это массовое распространение венерических заболеваний, с которым столкнулся молодой врач в глуши. Во-вторых, это некая горечь по поводу народного невежества, она подобна вирусу, царившему в воздухе сельской местности. В рассказе ясно показано, насколько сложным было взаимодействие юного врача с местными крестьянами. Простосердечный интеллигент-энтузиаст, талантливый человек, который постоянно борется за жизнь простого народа, все время наталкивается на стену тяжелого недоверия, его отношения с миром крестьянства никак нельзя назвать идиллическими.

Как и в других рассказах «Записок» Булгакова, заболевание, давшее название произведению «Пропавший глаз», т.е. «исчезновение» глаза, — носит символический характер. Е.А. Яблоков отмечает, что данное заглавие построено с учетом омонимии глагола «пропасть»: 1) скрыться, исчезнуть (в том числе — погибнуть, умереть); 2) стать бесполезным, некачественным, испортиться. Глаз — метафора зрения; традиционно считается, что зрение бывает не только «внешнее» (физическое), но и «внутреннее» (духовное), причем именно последнее дает человеку способность адекватно воспринимать мир и самого себя в нем; в «Пропавшем глазе» говорится о том, как герой на время потерял эту способность [5. С. 76]. На приеме он видит младенца с непонятной опухолью вместо глаза. Диагноз поставить не удается, молодой врач в полной растерянности. В итоге болезнь излечивается сама собой: это был просто гнойник, который сам лопнул. Булгаков утверждает: сколько бы ни работал врач, как бы ни был велик его опыт, жизнь ставит все новые и новые задачи. Единственный вывод, к которому приходит герой рассказов в конце года напряженной работы, говорит о его способности постоянно совершенствоваться: «Нет. Никогда, даже засыпая, не буду горделиво бормотать о том, что меня ничем не удивишь. Нет. И год прошел, пройдет другой год и будет столь же богат сюрпризами, как и первый... Значит, нужно покорно учиться».

Необходимо заметить, что портрет героя также связывает цикл «Записок». В каждом рассказе мы можем видеть изменения и развитие героя, связанные с взаимодействием с реальностью. В самом начале цикла, в рассказе «Полотенце с петухом» перед нами предстает юноша, тщетно старающийся выглядеть солидно, а в завершающем цикл рассказе («Пропавший глаз») мы видим уже мужчину, пережившего нелегкий год в Мурьевской больнице: «И вот целый год. Пока он тянулся, он казался многоликим, многообразным, сложным и страшным, хотя теперь я понимаю, что он пролетел, как ураган. Но вот в зеркале я смотрю и вижу след, оставленный им на лице. Глаза стали строже и беспокойнее, а рот увереннее и мужественнее, складка на переносице останется на всю жизнь, как останутся мои воспоминания». И процесс взросления героя передан Булгаковым отдельными штрихами, решениями и поступками героя, средствами речевой характеристики, восприятием его другими персонажами «Записок». Решительность, уверенность в правильности диагноза и вместе с тем осторожность, умение увидеть человеческую индивидуальность, проникнуться сопереживанием — главные черты героя Булгакова. Мы видим примеры врачебного мужества — повседневного, обыденного и все-таки необыкновенного.

Итак, сюжетное своеобразие «Записок юного врача» Булгакова состоит в том, что автор сумел выполнить свой цикл рассказов различными мазками — фрагментами из врачебной практики начинающего доктора, при этом создавая полную, целостную картину жизни, отразившую судьбу героя-интеллекта в деревенской глубинке в годы революции.

Размышляя о мозаичности повествования «Записок юного врача» Булгакова, примем во внимание, что в этой мозаике, составленной из разных эпизодов жизни молодого врача его борьбы за профессию складывается внутренне целостная картина жизни. Рассказы цикла, отличающиеся многообразием, связаны друг с другом одной сюжетной линией (судьба юного врача в русской деревне в революционную эпоху). Внутренняя взаимосвязь рассказов достигается сквозными метафорическими мотивами («красное/белое», «тьма/свет», «метельный» пушкинский мотив), единичными символическими образами, возникающими в том или ином рассказе и выходящими за рамки самого рассказа, придающими героический смысл всему циклу (картина символического сна в «Тьме египетской»). Кроме того, эволюция героя, процесс его развития создает единую цепь повествования, звеньями которой являются его ежедневный труд, общение с местными и весь его опыт проживания в деревне.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Далее текст рассказов приводится по этому изданию с указанием названия рассказа.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Булгаков М.А.* Собрание сочинений в 5 томах. Т. 1 М.: Художественная литература, 1989. 624 с.
- [2] *Земская Е.А.* Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет. М.: Языки славянской культуры, 2004. 360 с.

- [3] Соколов Б.В. Булгаковская энциклопедия. М.: Эксмо; Алгоритм; Око, 2007. 831 с.
- [4] Чудакова М.О. Новые работы 2003—2006. М.: Время, 2007. 557 с.
- [5] Яблоков Е.А. Текст и подтекст в рассказах М. Булгакова («Записки юного врача»). Тверь, 2002. 103 с.

ARTISTIC UNIQUENESS OF M.A. BULGAKOV'S “A YOUNG DOCTOR'S NOTEBOOK”

Tang Meng-wei

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

The article thoroughly describes the artistic uniqueness of M.A. Bulgakov's one of the earliest works — “A young doctor's notebook”. These series were inspired by writer's own experience working as a country doctor in Nikolskoe. Seven stories are united not only by the narrator's personality, but also by the time and place of the action. The single storyline, which connects all the stories, is the fate of a young doctor in a collision with the harsh historical reality. Bulgakov filled his short stories with different strokes, which are fragments of the medical practice for recently graduated young doctor. These fragments were able to create the whole vision of life for the intellectual hero living in a small village during the Revolution. The mosaic, multifaceted composition of works are some of the early characteristics attributed to the author.

Key words: M.A. Bulgakov's creative world, “A young doctor's notebook”, intellectual hero, mosaic, kaleidoscopic, inner integrity of recreated picture of life

REFERENCES

- [1] Bulgakov M.A. *Sobranie sochineniy v 5 tomakh* [Collected works in 5 volumes]. Vol. 1, Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1989. 624 p.
- [2] Zemskaya E.A. *Mikhail Bulgakov i ego rodnye: Semeynyy portret* [Mikhail Bulgakov and his family: A family portrait]. Moscow, LRC Publishing House, 2004. 360 p.
- [3] Sokolov B.V. *Bulgakovskaya entsiklopediya* [The Bulgakov encyclopedia]. Moscow, Eksmo, Algoritm, Oco, 2007. 831 p.
- [4] Chudakova M.O. *Novye raboty 2003—2006* [New works 2003—2006]. Moscow, Vremya, 2007. 557 p.
- [5] Yablokov E.A. *Tekst i podtekst v rasskazakh M. Bulgakova («Zapiski yunogo vracha»)* [Text and subtext in the sort stories of M. Bulgakov («A young doctor's notebook »)]. Tver, Tver State University, 2002. 103 p.